

Юлий Айхенвальд

Гоголь

Силуэты русских писателей

Юлий Айхенвальд

Гоголь

«Public Domain»

1910

Айхенвальд Ю. И.

Гоголь / Ю. И. Айхенвальд — «Public Domain»,
1910 — (Силуэты русских писателей)

«У врат нашего литературного царства стоят они оба, Пушкин и Гоголь, светлый и темный, благодарный и отчаявшийся. И нужны они, действительно, оба, как в народных сказках, для восстановления человеческой цельности, для возрождения богатыря или красавицы, нужна и живая и мертвая вода. Но Пушкин свою роль играет охотно и с увлечением, он доволен, – Гоголь же, создатель человеческой кунсткамеры, бог недовольный, отворачивается от худшего из возможных миров, который он сам же силой своего несчастного воображения исторг из небытия, или, во всяком случае, из отдельных и необязательных русских фактов. И, может быть, никто больше его не был объят великой тревогой писателя, мучительным сознанием ответственности, какую несет художник за то, что он послан в мир, за те впечатления и чувства, которые будет рождать среди людей воплощение его прихотливой мечты...»

Юлий Исаевич Айхенвальд Гоголь

У врат нашего литературного царства стоят они оба, Пушкин и Гоголь, светлый и темный, благодарный и отчаявшийся. И нужны они, действительно, оба, как в народных сказках, для восстановления человеческой цельности, для возрождения богатыря или красавицы, нужна и живая и мертвая вода. Но Пушкин свою роль играет охотно и с увлечением, он доволен, – Гоголь же, создатель человеческой кунсткамеры, бог недовольный, отворачивается от худшего из возможных миров, который он сам же силой своего несчастного воображения исторг из небытия, или, во всяком случае, из отдельных и необязательных русских фактов. И, может быть, никто больше его не был объят великой тревогой писателя, мучительным сознанием ответственности, какую несет художник за то, что он послан в мир, за те впечатления и чувства, которые будет рождать среди людей воплощение его прихотливой мечты. И в самом деле, загадочный портрет, о котором рассказал нам Гоголь, до сих пор не уничтожен, и страшные глаза его не смежаются. Бессмертный ростовщик, в своем ли романтическом облике или низведенный до Чичикова, продолжает странствовать по свету, везде разбрасывая свои зловещие семена, – и не находит себе покоя смятенная совесть его духовного создателя. Ибо талант обязывает: «на будничных одеждах не заметны пятна», между тем как праздничные ризы небесного избранника не должны быть запятнаны ничем. И вот Гоголя томит неусыпная мысль, что Бог требует его к ответу и каре за то осмеянное и обиженное человечество, которое он в своих книгах воззвал к жизни, что и сами обиженные преследуют его за грех насмешки и осуждения. И, в жажде искупления, кажется ему, что свой грех, свой смех он не только должен замолить у Святых мест, но и что надо выразить и выжечь все эти обличительные, несмирные страницы, для того чтобы они исчезли из памяти современников и потомства. Пушкин, признательный к своему гению, в божественной наивности любясь своим дарованием, бросая ретроспективный взгляд на свои стихи, неколебимо и радостно верит, что он памятник воздвиг себе нерукотворный и назовет его на Руси всяк сущий в ней язык, – а Гоголь, темной ночью, пугая рыдающего мальчика-слугу, жжет свои страницы в печке и не ожидает для них участи феникса.

Гоголь не хотел быть тем, кем он был. Он страдал от своего таланта, от своего назначения, которое было ему предуказано свыше: – Тем, кто распределяет человеческие способности и силы. Он хотел изменить направление и характер своего писательства, он пытался создать нечто положительное и назидательное, облечь плотью и кровью человечность прекрасную и нарисовать ее так же ярко и выпукло, как выходили у него явления дурные.

Но именно это и не давалось ему. Душевные порывы, трудная работа морального самоуглубления и самоочищения влекли его к идеалу, в высь, тогда как стихийная сила дарования, почти всецело обращенная на то, что в жизни есть пошлого и мелкого, пригвождала его к человеческим низинам. Его привлекало нелепое. Его художественное зрение невольно замечало все изъяны, все живые «прорехи на человечестве», и лукавый дух смеха, которого он однажды вызвал, не поддавался его обратным заклинаниям, не уходил, фатально прикрывая собою наглядные картины утешающей людской красоты. Кисть, утомленная неблагообразием, стремилась написать правильное и одухотворенное лицо; но как у художника Чарткова она была развращена золотом, так у Гоголя ее загубило пристрастие к смешному, и она бессильно выпадала из его рук. На полотне являлись фигуры неестественные, без кровинки жизни, какие-то бледные отвлеченности, и сам художник, «взыскательный художник», свой лучший судия, приходил в отчаяние перед этой вереницей бездушных призраков, перед некрасивыми фантомами Улинек и Муразовых. Он не мог, не умел воплотить своих упований в реальные образы. Он мечтал о втором, о третьем томе «Мертвых душ», где нас должна была восхитить галерея иных лиц, иных типов, где «иным ключом грозная выюга вдохновения подыметя из обле-

ченной в священный ужас и в блистанье главы, и почуют, в смущенном трепете, величавый гром других речей», – но пышные обещания оказались неисполненными, для положительного и простого не достало Гоголю внутренней силы, и мы имеем, во всей завершенности, только один, первый том печальной эпопеи, где расстилается перед нами поле, усеянное мертвыми костями, где нас удручают не воскрешенные автором, под его рукою и неспособные к возрождению безнадежно-мертвые души – и те, которые покупал Чичиков, и те, у которых он покупал. Ибо легче умертвить, чем воскресить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.